

ГЛАВА 1

Будильник звякнул и тут же умолк, выключенный накрывшей его сверху рукой Вадима. Через пару секунд из соседней комнаты слышалось шевеление, а затем удаляющееся шлепанье тапочек. Регина приоткрыла глаза, увидела мутную пелену слабо пробивающегося февральского утра и перевернулась на другой бок. Можно было спать еще целый час — муж уходил на работу раньше ее, и это утреннее время было в ее распоряжении.

Дверь приоткрылась, в спальню заглянул супруг. Регина сделала вид, что спит. Вот чего он сюда просовывается каждое утро? Проверяет, что ли? Сейчас уйдет, а дверь снова забудет закрыть!

Так и вышло: сквозь оставшуюся открытой дверь доносился шум льющейся воды из ванной — Вадим принимал душ. Он делал это каждое утро и каждый вечер, и Регину это жутко раздражало. Впрочем, ее вообще все раз-

дражало в муже, и в первую очередь то, что это ее муж. Так что любые действия Вадима были обречены на непонимание и неприятие.

Сегодня он, к примеру, снова не закрыл дверь в спальню жены, и сон Регины был потревожен явственно доносившимися через нее звуками. Она никак не могла снова заснуть и злилась из-за этого на Вадима.

Щелкнула ручка двери ванной комнаты, и Регина увидела, как муж выходит из нее, обернутый полотенцем. Сейчас он отправится на кухню, станет готовить завтрак и обязательно будет шуметь. Он шумел каждое утро, кроме, наверное, субботы и воскресенья, своих выходных. Впрочем, как себя вел Вадим в выходные, Регина не знала, поскольку с пятницы вечера уезжала за город — там был семейный дом, а Вадима оставляла вместе с сыном, аргументируя это тем, что ребенку нужно полноценно проводить время с вечно занятым на работе отцом хотя бы два раза в неделю.

То, что с матерью при этом он полноценно не проводит время вовсе, ее совершенно не беспокоило — она выполняла свои материнские функции «на отлично»: ребенок был определен в престижную гимназию с пансионом. Правда, на пятидневное нахождение сына в стенах гимназии Регина все же не

согласилась, но ежедневно до пяти вечера он был там. Кроме того, к мальчику была приставлена няня, которая забирала его из гимназии — в двух остановках от дома, можно и пешком пройтись, к тому же для здоровья полезно, — приводила домой, кормила ужином и отводила в бассейн, откуда его после работы забирал Вадим и привозил домой в восемь вечера. Регина, возвращаясь в шесть, имела собственное пространство и время в виде этих двух часов, которые принадлежали только ей.

Затем следовал дежурный материнский поцелуй со столь же дежурным вопросом «как дела?» и неизменное «нормально!», после чего сын отправлялся в свою комнату и садился за компьютер, а Регина с чувством выполненного долга ложилась на диван в своей спальне. Так длилось до выходных, в которые обязанность общения с сыном возлагалась на Вадима.

Сын Егорка, семилетний шустрый пацан, с отцом оставался охотно и за город с матерью не просился. Ему вообще, как казалось Регине, было с ней не слишком интересно. Впрочем, она не страдала от разлуки с сыном и в выходные. К бабушке Егор тоже не выражал желания поехать: он достаточно общался с ней в течение недели, в те дни, когда бассейна

не было, няня на такси отвозила его к матери Регины.

Иногда по выходным забирал внука дед, отец Регины. Он имел довольно неплохой чин в Департаменте городского имущества Москвы, то есть был человеком занятым, но единственного внука обожал и его пребыванию у них дома был только рад. Словом, все были довольны. Не столь явно это довольство выражалось у Вадима, но его мнения спрашивать в семье Берестовых не привыкли.

Из прихожей донеслось монотонное жужжание. Регина знала: это Вадим бреется, пока варится кофе. Он всегда брился электробритвой, и это тоже ее бесило. Каждое утро, слушая этот мерное жужжание, она ощущала себя в стоматологическом кресле и морщилась, словно от реальной боли.

Сцепив зубы, Регина сдержалась, не стала подниматься. Все равно бесполезно, Вадим небритым на службу не поедет. Эти его педантичность, скрупулезность, аккуратность — качества, изначально считающиеся положительными, — навязли у Регины в зубах, словно переваренная каша. Она мучительно считала минуты, когда муж уберется и наступит долгожданная тишина.

Наконец звук стих — Вадим выдернул провод и вернулся в кухню. Но тише не стало:

раздался металлический звон, а затем грохот и звук разбитого стекла. Этого Регина уже стерпеть не смогла. Резко вскочив, она направилась в кухню прямо босиком.

Вадим в растерянности стоял посреди кухни, у стола валялась разбитая сахарница.

— У тебя что, руки кривые? — процедила Регина, с ненавистью глядя на мужа.

— Прости, случайно из рук выскользнула, — оправдываясь, произнес Вадим и, взявшись за веник, принялся сметать просыпавшийся сахар.

Регина следила за действиями мужа с крайним неодобрением на лице. Не выдержав, выхватила веник у него из рук:

— Что ты им возишь! Размажешь только, полы будут липкие!

— Но надо же убрать, — заметил Вадим.

— Сама уберу! — Она пошла в ванную за шваброй, вернувшись, принялась возить ею по полу.

Вадим, пожав плечами, налил себе кофе и стал торопливо пить, поглядывая на часы. Он уже опаздывал. Но Регине с утра все было не так.

— Что ты стоишь на дороге! — подтолкнула она его локтем.

Вадим отошел в сторону, но Регина тут же пригвоздила его резким окриком:

— Куда! Растопчешь по всей кухне!

Поставив недопитую чашку на стол, Вадим снял тапочки и вышел из кухни в прихожую, обувая ботинки. Регина не могла допустить, чтобы он так легко отделался. Отшвырнув швабру, она вышла вслед за ним и, скрестив руки на груди, наблюдала, как муж зашнуровывает ботинки. Вадим молчал, и это выводило Регину из себя. Собственно, этим можно было бы и исчерпать инцидент, не стоивший выеденного яйца, но ее уже несло. Она не могла смотреть, как муж, грубо нарушивший покой в ее доме — квартиру, в которой они жили, Регина считала исключительно своей, — сейчас преспокойно обуется и уйдет, оставив ее одну наедине с загаженной кухней, разбитой сахарницей и испорченным настроением.

Все это было не страшно: через час придет домработница, соберет осколки, тщательно вымоет пол и купит новую сахарницу, а то и целый сервиз, но мысль о том, что муж легко отделяется, что все ему как с гуся вода, не давала Регине рассуждать здраво. Рядом с мужем она вообще была лишена этой способности, действовала исключительно на эмоциях и исключительно негативных.

— И что, ты вот так и оставишь меня одну разгребать свинарник, который сам устроил? — повысила она голос.

— Ты сама сказала, что я делаю не так, — не поднимая головы, ответил Вадим, завязывая шнурок.

— А ты сделай так! — не отставала Регина. — Хоть что-нибудь ты можешь сделать, как нормальный мужик?

Вадим не ответил. Она же продолжала свою обличительную речь, обращаясь к его затылку и стараясь унизить мужа посильнее. Вадим не реагировал. Он закончил манипуляции со шнурками, выпрямился и, глядя прямо в глаза Регине, произнес:

— Как я мечтаю, чтобы ты исчезла куда-нибудь.

Регина, продолжавшая что-то говорить, захлебнулась последней фразой, выражение ее лица стало меняться со злого на изумленное. Вадим никогда не разговаривал с ней в подобном тоне. Она — да, могла и похлеще что-нибудь сказать или обозвать. Он же держался спокойно, и из-за этого ее начинало колотить от злости.

— Что ты сказал? — проговорила она, уверенная, что Вадим сейчас начнет просить прощения, ссылаясь на то, что ляпнул, не

подумав, либо скажет, что это была неудачная шутка. Но Вадим, со своим привычным спокойствием и новоприобретенным — откуда только! — мужеством, не отводя взгляда, повторил:

— Мечтаю прийти когда-нибудь домой — а тебя нет. Вообще. Нигде. И, знаешь, так радостно сразу на душе становится.

— Что-о-о?! — задохнулась от гнева Регина. — Ты... Ты смерти моей желаешь?

— Нет. Я сказал — исчезла бы. Не знаю куда. Просто испарилась бы. И может быть, тебе там будет гораздо лучше, чем здесь сейчас.

Он повернулся и взялся за ручку двери, собираясь уйти. Регина в это время не слишком успешно пыталась прийти в себя. Вадим уже шагнул за порог, и тут она бросилась за ним, в одно мгновение по-кошачьи вцепилась в воротник куртки и, потянув на себя, протянула:

— Ну, не-е-ет! Теперь я тебя точно не отпущу! Ты, значит, вон какие мысли на мой счет держишь? Ты от меня избавиться хочешь? Ах, ты... — Она не могла подобрать подходящего слова — кажется, впервые в жизни.

Вадим физически был сильнее и вполне мог вырваться, но по выражению лица жены понял, что сейчас вполне может разразиться скандал.

■ А афишировать проблемы в отношениях перед

соседями ему совсем не хотелось, равно как и самой Регине, привыкшей на виду соблюдать комильфо. Он не стал сопротивляться, а резко шагнул в квартиру, захлопнув дверь. Регина, не ожидавшая такого напора, отшатнулась и чуть не упала, ухватившись за стойку вешалки. Та покачнулась, сверху упали шарф и шапка.

— Ты что творишь? — прошипела она. — А ну-ка, подними сейчас же!

Вадим, игнорируя ее приказной тон, склонился прямо к лицу Регины, заглянул в смотревшие на него с нескрываемой ненавистью глаза и четко произнес:

— Это конец. Хватит. Я с тобой развожусь.

— Что-о-о? Что ты сказал? Ты — со мной? Ха-ха-ха! — рассмеялась она злым смехом. — Ты со мной разведешься? Ты что, парень? Ничего не перепутал? Так и не понял за восемь лет? Здесь все решаю я, понятно? Как я скажу — так и будет! Поэтому давай быстренько попроси прощения, признай, что был плохим мальчиком и больше не будешь говорить ерунды. А вечером принесешь букет цветов, и тогда — может быть! — ты будешь прощен. Ну?

Регина смотрела на Вадима, уверенная в своем превосходстве. Никогда он не посмеет ее послушаться. Однако Вадима сегодня будто подменили.

— Я. С тобой. Развожусь, — отдельно повторил он. — Хватит продолжать этот бессмысленный союз.

— Ты что? Ты это серьезно? — медленно проговорила Регина. — Ты вообще соображаешь, что говоришь?

— Отлично соображаю, — кивнул Вадим. — Не соображал раньше, когда продолжал с тобой жить по инерции. А теперь все.

— Вадик! — Она уже и забыла, когда обращалась к мужу по имени. — Мне все-таки кажется, что ты нездоров.

— Нет, со мной все в порядке, Регина! — Вадиму показалось, что жена, оглушенная новостью, смягчилась и отставила в сторону свой привычный командный тон. Он подумал, что сейчас с ней в кои-то веки можно поговорить нормально и спокойно, и убеждающе заговорил: — Ну, подумай сама — зачем нам сохранять этот брак? Мы же живем как кошка с собакой, вечная ругань, Егор на все это смотрит. Он скоро начнет все понимать, его это озлобит, у него может сложиться неправильная модель семьи. Так для всех будет лучше, и для тебя тоже. Тебе-то зачем брак со мной? Ты же меня не любишь и даже не делаешь вид. А так... Тебе всего двадцать восемь, ты успешна и вполне можешь создать новую семью, в которой будешь счастлива.

Регина молча слушала, и Вадиму в какой-то момент даже стало жаль ее. Он протянул руку, чтобы погладить Регину по плечу, но та резко ее отбросила. Сверкнула на Вадима холодными серыми глазами и сказала:

— Значит, так. Никакого развода ты не получишь. Если у тебя хватит ума все-таки подать на него, ты об этом будешь жалеть всю оставшуюся жизнь. Рассчитываешь урвать свой кусок? А вот шиш тебе! Ничего, ни единой вещи из этой квартиры ты не получишь! И самой квартиры тоже! Машину папа у тебя тоже отберет, будешь на метро ездить, как лох последний! С работы у папы тоже вылетишь, на деньги вообще не рассчитывай! — Регина заводилась все больше и больше, придумывая очередное лишение для мужа. — Ни копейки из накопленного не увидишь, я тебя голым оставлю, до нитки всего оберу! Ты потом еще с адвокатами всю оставшуюся жизнь будешь расплачиваться! Да, и про Егора забудь! Сына вообще больше никогда не увидишь!

— Как это характерно для тебя, что о сыне ты вспомнила в последнюю очередь, — горько усмехнулся Вадим. — А я-то подумал, что с тобой можно нормально разговаривать. А теперь послушай меня. Твои угрозы мне безразличны, я сделаю так, как решил. И насчет ребенка не

обольщайся: он такой же твой сын, как и мой, и свои интересы я защищу, даже если их придется отстаивать в суде.

— Ни один суд не пойдет против меня! — выкрикнула Регина.

— Против твоего папы, хочешь сказать? По счастью, отец твой куда адекватнее и порядочнее, чем ты. И хватит меня запугивать. Все, прощай!

Вадим решительно отпер дверь и вышел из квартиры. Регина метнулась было за ним, но из второй квартиры бокса как раз выходила соседка, и она, приклеив на лицо улыбку, фальшиво поздоровалась, а когда соседка прошла в лифт, Вадима уже не было. Он спускался по лестнице, и до Регины доносился лишь звук его ботинок.

Постояв несколько секунд, она захлопнула дверь. Машинально прошла в ванную и принялась чистить зубы. Поймав себя на том, что занимается этим уже десять минут, раздраженно сполоснула щетку и сунула ее в стакан. Пройдя в кухню, включила чайник. Неубранный сахар хрустел под ногами, тапочки прилипали к полу, но Регине было на это наплевать. Она яростно размешивала несладкий кофе в чашке, по ходу придумывая, какие кары обрушит на голову мужа. Потом

поняла, что это неконструктивно. Развода ни в коем случае допустить нельзя, нужно вправить Вадиму мозги.

Так, что делать? Первым делом поговорить с папой, он его быстро приструнит. Усовестит, напомнит о Егоре, об отцовском долге и прочем. Вадим всегда легко поддавался чувству вины, и на этом нужно было сыграть. Дальше. Сказать папе, чтобы отобрал у него машину и лишил премии. За весь квартал. И — временно выселить из квартиры. Пусть покрутится! Ничего, это на словах разглагольствовать легко, а попробуй на деле пожить как нищий, на зарплату, без машины, без папиной поддержки. К атрибутам роскошной жизни путь короткий, а вот обратно куда длиннее. Вадик, привыкший к элитному обслуживанию, быстро сдуется. Сам приползет, еще и прощения просить будет. Ничего, ничего, мы еще посмотрим, чья возьмет!

Немного успокоив себя таким образом, Регина пошла в прихожую. Быстро накрасилась перед зеркалом, обула сапожки, натянула шубу — роскошную серебристую норку, подарок отца на день рождения, — осмотрела себя в зеркало. Что и говорить, хороша!

Она не была красивой. Пожалуй, даже симпатичной ее трудно было назвать: черты лица заурядные, нос длинноват, подбородок

острый... Но природные внешние данные Регины на первое место не ставила. Хороша — это значит эффектна. Дорогая одежда, фирменные аксессуары, украшения — все должно быть на высшем уровне. Вот это показатель класса, а не какая-то там смазливая мордашка и ноги от ушей. Главное — во что это все упаковано. А упаковка у Регины была в полном порядке.

Недаром все сослуживицы завидуют. Хоть и имеют на службе приличную прибавку к окладу, а где им угнаться за папой-чиновником! Зависть коллег была для Регины главным показателем успешности и состоятельности ее как женщины. Внимание мужчин — не в счет. К мужчинам она вообще была довольно холодна и сдержанна. Считая их заведомо ниже как класс, относилась даже с легким презрением. Впрочем, особого внимания со стороны презренного «сильного пола» в отношении себя она и не слишком наблюдала. Регина держалась надменно, отстраненно, к тому же никому не хотелось связываться с дочкой чиновника департамента имущества, вдобавок замужней. Но Регина от этого и не страдала — она спокойно обходилась без мужчин, даже почти полное отсутствие физической близости с мужем ее не напрягало.

«А ведь это, наверное, неправильно», — неожиданно возникла откуда-то из глубин под-

сознания мысль. Регина еще раз оглядела себя в зеркало. Она еще молода, выглядит сногшибательно, на что уходит ее жизнь? Вроде бы все есть, а в то же время, по сути, она задыхается от скуки и неудовлетворенности — что на своей неинтересной, но доходной службе, что дома, рядом с опостылевшим нелюбимым мужем. Она уже не помнила, когда чувствовала себя счастливой. Все было не то и не так, все! Даже деньги, к которым Регина питала любовь и уважение, не приносили удовлетворения. Да, проблемы решали, и без них было бы куда хуже, а все-таки...

Но что можно изменить? Завести любовника? На какое-то время спасет от рутины, конечно. Поначалу. Но только быстро приестся. Да и где его взять?

Нет, просто мужика найти — это только свистни, сразу найдутся желающие. Но абы кого не хотелось. Регина с отвращением представила, что возле нее будет виться абсолютно чужой незнакомый мужчина, станет прикасаться к ней, целовать — тьфу! Она была брезглива, и ничего, кроме этого чувства, мужчины у нее не вызывали. Во всяком случае, те, что находились в поле ее зрения. Себя она считала созданием исключительным, и мужчина рядом с ней должен был быть исключительный. А получилось — Вадим...

Конечно, не его ей хотелось видеть рядом с собой. Но перед свадьбой ей некогда было об этом задумываться — добрачная беременность торопила, ставила в тесные рамки. Родить же без мужа Регина не могла себе позволить — общественное мнение дамокловым мечом висело над ней всю жизнь. Бог его знает, откуда взялось, то ли от матери, бывшей замужем за человеком, который «всегда на виду», то ли Регина родилась с ним, генетически впитав от той же матери, имевшей деревенские корни, при которых главное — «что люди скажут». Да и бесполезно теперь задумываться, откуда, главное, что тогда она людскому мнению рот заткнула, да как! Свадьба в одном из самых дорогих ресторанов Москвы, лимузины, платье, стоившее бешеных денег, чуть ли не равных потраченному на застолье бюджету. И вершина — свадебное путешествие. Не куда-нибудь, а на Мальдивы, которые тогда, почти десять лет назад, даже для столицы выглядели экзотически.

Папа постарался, выложился по полной. Ну, его уломать было не слишком трудно: он тоже чувствовал за собой вину, что из семьи свалил, бросил их с матерью, женившись на молоденькой. Впрочем, его можно понять. Маме-то роль жены высокопоставленного чиновника оказалась не по плечу. Деревня лезла из нее,

да никак не могла вся вылезти. Регине, даже маленькой, порой казалось, что отец стесняется своей супруги. Правда, выбрал себе куклу ходячую, чуть постарше дочери, зато та не лезла в жизнь Регины и вообще старалась с ней не пересекаться. Папа же потом всю жизнь деньгами расплачивался перед дочерью за свой уход. А ее такой способ оплаты вполне устраивал.

Она была счастлива. Еще бы, так утереть нос уже начавшим коситься на ее слегка выступающий живот и шептаться за спиной — нет, не подружкам — однокурсницам. Подруг у Регины никогда не было. Однокурсницы и раньше ей завидовали и в душе ненавидели, хотя в глаза заискивали и подлизывались. А едва разглядели признаки беременности, тут же принялись злорадствовать. Но Регина своей свадьбой всех на место поставила. Теперь она ходила не принцессой, а королевой. Приезжала в институт на новеньком «Лексусе», в то время как другие на дешевеньких «Дэу» или даже «Ладах», поселилась в элитной квартире на Новослободской, которую с гордостью продемонстрировала, пригласив ненавистных однокурсниц на новоселье. Ничего, оно того стоило! Три часа потерпела их общество, зато потом они при ней и пикнуть не смели. До конца последнего курса даже не подходили к ней, не заговаривали —

правильно, о чем ей с ними говорить-то? И когда она предложила снять на выпускной ресторан в центре Москвы — отказались. Сказали, что уже выбрали кафе. Забегаловку какую-то, Регина и названия не помнила. Она не пошла туда — дался ей этот выпускной! Это все были временные люди в ее жизни, связанные с ней лишь обстоятельствами. К тому же тогда уже подошло время родов, и Регине вообще были не интересны никакие вечеринки. С однокурсницами она после окончания института контактов не поддерживала и на встречи выпускников не ходила, даже не интересовалась, встречаются ли они.

После рождения Егора у нее началась другая жизнь. Первое время было тяжело, пришлось нанять няню, и не одну — для ночных дежурств и для дневных. Потом — частный детский сад, потом школа... Время прошло незаметно. Три года Регина не работала, а когда сидеть дома надоело, обратилась к отцу. Хотела, чтобы к себе пристроил, но он отказал. Предложил место инспектора в Роспотребнадзоре, тогда еще именовавшемся санэпидемстанцией. Казенное название это пахло хлоркой и дезинфекцией, но сама организация вызывала страх и уважение, и сомневаться в ее могуществе не приходилось. Потом пришло

нынешнее звучное название Роспотребнадзор, но суть от этого не поменялась.

Не совсем по ее профилю оказалась должность, но при звонке от папы это никого не интересовало. Взяли Регину вмиг, и она быстро сориентировалась. Проверять торговые объекты, контролировать качество товаров — это у нее хорошо получалось. Высокомерный вид, надменный взгляд — уже это заставляло директоров магазинов стелиться перед Региной ужом, когда она входила в помещение, строгим, с металлическим отливом, голосом требовала закрыть помещение на контроль и приступала к проверке.

Регина любила свою работу. Находить недостатки, тыкать людей носом в их огрехи, заставлять уважать ее авторитет — это как раз было по ее части, тут отец в точку угадал. Она чувствовала себя значимой и недосыгаемой. С ней вынуждены были считаться, перед ней заискивали толстопузые немолодые руководители торговых объектов, владельцы элитной недвижимости и дорогих автомобилей. На своем месте Регина была царь и бог — хочу казнь, хочу милую. Поскольку Роспотребнадзор был непосредственно в подчинении правительства, то и надавить на его сотрудников со стороны никто не мог. Многие этим пользовались, и

Регина в том числе. Правда, в последнее время с ужесточившейся борьбой с коррупцией стало хуже. Все эти показушные процессы, демонстрационные взятия с поличным... Смотреть противно! Находят крайних и подставляют! Слава богу, что под нее никто не подкапывается — веское имя отца играло свою роль.

Регина после свадьбы оставила свою фамилию. Носить Вадимову не хотела категорически: во-первых, ее была красивее, а во-вторых, ей не хотелось быть «женой Денисова». Ей больше нравилось — «дочь Берестова».

Вадим, может быть, и обиделся, но открыто этого не показал. Еще бы ему обижаться! Он бесконечное спасибо должен говорить судьбе и Регине, что ему такое счастье привалило. Смог бы он, сын простого, никому не известного инженеришки на пенсии, так устроиться? Ездил бы на «Мерседесе», жил бы в квартире в центре Москвы? Ютился бы со своим папой-инвалидом на окраине в Бескудникове, в задрипанной «хрущевке»! И никакой, ни малейшей его заслуги в этом нет, просто повезло несказанно, что стал он, можно сказать, случайно, отцом Егора, а затем мужем Регины и — соответственно — зятем Берестова. А он, засранец неблагодарный, еще и посмел о разводе заикнуться! Ага, сейчас!

Регина вдруг вспомнила слова Вадима, брошенные перед уходом: «Тебе-то зачем брак со мной? Ты же меня не любишь и даже не делаешь вид. А так... Тебе всего двадцать восемь, ты успешна и вполне можешь создать новую семью, в которой будешь счастлива». Что и говорить, резон в них был. Но... Регина не могла этого допустить. Ее самолюбие было уязвлено. И дело даже не в том, что она превращалась в стандартную разведенку, которых по России пруд пруди. К таким брошенным женщинам Регина всегда относилась с презрением — не смогли удержать. А раз не смогли, значит, и не стоили. Никудышные они были тетки в ее глазах. Второй сорт. Она не могла допустить, чтобы ее бросили. Как так? ЕЕ? Такую умную, успешную во всех отношениях — и бросил Вадик? Да об этом мгновенно станет всем известно, вот уж порадуются, языками почешут от души! Склонять будут постоянно, хихикать за спиной, злорадствовать... Люди же какие? Они тем и живут, что радуются чужим неприятностям. А того, что над Региной станут смеяться, она пережить не смогла бы. Потому сохранение брака, пусть чисто номинальное, было для нее важно. Это тоже своего рода статус, показатель благополучия. И она должна его сохранить во что бы то ни стало.

Из подъезда Регина выходила уже своей обычной походкой: плечи расправлены, спина прямая, шаг уверенный. Голова приподнята, и взгляд чуть свысока. Вежливо и холодно кивнула соседу, который выезжал из подземного гаража на своем черном «Кадиллаке», пропустила и вывела свой «Лексус». Хотела закрыть ворота, повернулась...

— Привет, подруга! — послышался хриловатый голос с насмешливыми интонациями.

Регина резко выпрямилась от неожиданности. Неожиданной была даже не сама реплика, а именно голос, прозвучавший из, казалось, забытой дали. Она подняла голову и медленно повернулась, уже зная, чье лицо увидит перед собой...

Лицо было все же не таким. Оно изменилось, в нем появились невиданные ранее черты — более резкие, даже грубоватые. Но голос остался неизменным, разве что стал чуть-чуть ниже.

— Ты? — задала Регина вопрос, ответ на который был очевиден.

— Что, не узнала? — так же насмешливо продолжал голос. — Не прикидывайся, подруга, не так уж много времени прошло, чтобы ты меня забыла. Или не рада видеть?

— Да нет, не забыла, просто не ожидала, я... растерялась немного, — сбивчиво и фальшиво принялась оправдываться Регина, почувствовав, как предательски краснеет и как стремительно превращается из уверенной в себе дамы, привыкшей к начальственным интонациям и жестам, в суетливую девчонку, исполненную страха.

Она и впрямь испугалась. Пока еще не понимала, чего конкретно, но кольнуло ее смутное и одновременно явное ощущение чего-то неприятного. Как оказалось, предчувствие было верным...

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Регина молчала, глупо улыбаясь.

— Твоя? — деловито кивнул он на сверкающую лаком машину, и она мотнула головой. — Клевая тачка! Так что молчишь-то?

— А что говорить? — совсем растерялась Регина.

— А нам так уж и поговорить не о чем? — прищурил он глаза.

— Да... на морозе как-то неудобно разговаривать, — выговорила Регина, боязливо оглядываясь — не видит ли кто из соседей, как она стоит тут с этим человеком, находиться которому в этом дворе совсем не полагалось, ■

и настолько выглядел он здесь чуждым, что ей хотелось бы внезапно исчезнуть отсюда.

— Ну, так, может, в гости позовешь? — склонил он голову.

Ох, этот насмешливый взгляд, весь он пронзал Регину, ломал в крошку все ее достоинство, которое она с гордостью носила... Все это рушилось сейчас под этим взглядом, и видела Регина, что не действуют на него все эти атрибуты ее несомненно успешной жизни и высокого статуса. Всей своей прежней жизнью, налаженной и благопристойной, не была она к этому готова, оттого смущалась, терялась, суежилась и даже заискивала.

— В гости? — тупо повторила она, машинально постукивая одним сапожком по другому — середина февраля и впрямь выдалась морозной.

— Что? — выжидательно посмотрел он ей в глаза. — Не позовешь?

— Не знаю... — глупо хихикнула Регина, понимая в душе, что позвать его в гости совершенно невозможно, это просто безумие, и одновременно ощущая, что, если он станет настаивать, она не сможет отказать, послушно развернется на каблуках и шагами заводной куклы направится к подъезду. Откроет домофон, проведет в лифт, а затем и в квартиру,

в свою, родную, отгороженную от всех посторонних как бронированной дверью, так и четким регламентом, ею самой заведенным.

— Да не бойсь, — осклабился он. — Домой к тебе не прошусь. Давай-ка прокатимся тут в одно местечко.

Он говорил так убежденно, что Регина не смогла и рта раскрыть, чтобы спросить, что за местечко такое, или возразить, что ей нужно на работу. А он уже тянул дверцу на себя, уже садился на переднее сиденье — уверенно, по-хозяйски.

— Ну чего застыла? — окликнул, накидывая ремень. — Вези меня, шеф!

Регина на негнущихся ногах обошла машину и села за руль. Повернула ключ, нажала на газ и выехала со двора...

Это было крушение всего. Крушение всей ее сытой, благополучной и устоявшейся жизни. И это бесконечно, это навсегда. Все, все хорошее закончилось. Никакого выхода нет, никакого способа вернуть все назад...

Так думала Регина, сидя в своем «Лексусе», тупо сжимая в руках руль и никуда не направляясь. Она сидела так уже минут десять — с того момента, как закончилась ее сегодняшняя нежданная-негаданная встреча. Чувств

не было, они все словно умерли, оглушенные испытанным шоком. Не могла она сейчас ни соображать, ни чувствовать. Только и додумалась, что позвонила начальству на службу и, сославшись на то, что с утра поехала в сетевой супермаркет с предварительной проверкой, немного успокоилась: хоть эта проблема была решена, и ей не названивают с работы с вопросом, где она. Начальник немного удивился: ехать в супермаркет Регина самостоятельно не должна была, для его проверки, пусть даже и предварительной, нужно было как минимум два человека, и вообще, сама проверка еще не была до конца согласована. Однако то ли он решил отложить разбирательства до личной встречи, то ли просто ему самому было некогда вести долгие разговоры, но он отстал. И хоть это было хорошо. Никого, абсолютно никого Регине сейчас видеть не хотелось.

Когда она простилась со своим собеседником в Новогирееве, куда он попросил его подвезти, то поначалу не находила себе места и не знала, что делать. Просто нажала на газ и десять минут ехала по прямой. Потом завернула в какой-то безлюдный двор и там остановилась. Руки ее дрожали. Не меньше получаса просидела она так, закуривая длинные тонкие сигареты одну за другой и побивая, кажется,

месячную норму потребления никотина: курила Регина нечасто.

Но постепенно оттаяла, мозг потихоньку заработал, и она приказала себе сосредоточиться, взять себя в руки и подумать. Три миллиона... Сумма, конечно, большая. Но не смертельная. Собрать можно. Другой вопрос — собрать незаметно. Три «ляма» просто так не выдернешь, такая дыра в семейном бюджете сразу станет заметной. И Вадим, каким бы покорным мужем ни был, непременно заинтересуется, на что они истрачены. А деньги, как ни крути, и его тоже.

Попросить у отца? Он бы, может, и не отказал, но опять же — как объяснить, на что? Правду сказать совершенно невозможно. Соврать так, чтобы поверил, тоже. Ничего не приходит в голову. Черт, откуда же взялся этот... Регина снова не находила слов, она задышалась от злости и ярости. Только сегодня утром вспоминая этого человека как чуть ли не главного в своей жизни, теперь она ненавидела его, готова была убить... И как она раньше не замечала, что от него нужно держаться подальше? Что такие знакомства до добра не доводят, это же было очевидно! Ведь он просто пустышка, ничтожество с криминальными наклонностями, и больше ничего! Дно, социальное

дно, низ! С таким рядом стоять стыдно! Как, как можно было этого не понимать?

Регина стукнула сжатым кулачком в перчатке по рулю. Было невыносимо обидно, что теперь, когда все так гладко устроилось в ее жизни, появляется человек, не имеющий ни малейшего права даже на крохи от ее благосостояния, и — не просит! — требует, требует, и отнюдь не крохи! Сейчас Регине казалось, что вся ее прежняя жизнь была верхом счастья и благополучия. Проблемы с Вадимом выглядели таким пустяком в сравнении с обрушившейся на нее бедой, что она искренне изумилась тому, как переживала из-за них утром. Ясно же, что никуда бы Вадим не делся, что Регина не мытьем, так катаньем добилась бы, чтобы он остался в семье. И все было бы так же, как раньше, если бы не эта дурацкая встреча!

Регина вздрогнула, вспомнив тот миг, когда на плечо ее легла тяжелая ладонь... Она и раньше вздрагивала от этих прикосновений, но по другой причине. Сидела и вспоминала наглый, уверенный взгляд, хозяйские интонации, с которыми он с ней разговаривал. Покровительственно так, даже снисходительно. Словно это он был сыном крупного чиновника, он занимал должность в Роспотребнадзоре и ездил на новом белом «Лексусе».